

МЕЖДУ ГРАНИЦАМИ:

зин о практиках
деколониальности

Эсинде

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ЭЛЬВИРА ТИЛЕК КЫЗЫ	
ДИҢМИРЭЭШКИННИҢ ДААЖЫ.....	4
ДАНХАЯА ХОВАЛЫГ	
ДЕМАДОННИЗАЦИЯ	6
ВОЛЬГА КАСЦЮК	
УЙГУРЫ И ДУНГАНЕ — ПЛОХИЕ КАЗАХИ.....	7
МАЛИКА НУРХАН	
ДРУГ, ТЫ МЕНЯ НИКОГДА НЕ ПОЙМЕШЬ	9
БОРА-ХӨКПЕШ Э.	
ПРО ЭКОНОМИКУ ВНИМАНИЯ	11
МИРА ГАФАР	
GROWING MY FIRST GARDEN AND THINKING OF MY MOTHER.....	13
BOTAGOZ KOILYBAYEVA	
89 YEARS	16
AMINA SAFIYAZOVA	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эльвира Тилек кызы

Этот зин создан в рамках школы «Нарушая тишину», которую в 2023 и 2024 году проводила в Кыргызстане исследовательская и дискуссионная платформа «Эсимде». Я была одной из участниц лаборатории, среди других активистов и активисток, исследователей и исследовательниц, которые собрались вместе, чтобы обсудить вопросы деколонизации. Лаборатория проходила в трех локациях — в Бишкеке, на Иссык-Куле и в Баткене. Последний этап в Баткене был особенно важным, потому что Баткенская область считается одной из самых удаленных от центрального и столичного Кыргызстана, и часто не получает достаточно внимания. Мы обсуждали всё — от кыргызского языка, литературы и истории до событий, происходящих в Кыргызстане. Идея лаборатории была в том, чтобы дать место новым голосам, которые будут «нарушать тишину» через свою идентификацию и освобождаться от колониальных установок. А в завершение лаборатории все участники и участницы должны были создать свой деколониальный проект.

Недавно моя подруга презентовала свой квир-зин, меня это очень вдохновило, и я подумала, что стоит сделать зин про деколониальные практики.

Зин — это низовой свободный формат, его можно написать так, как мы хотим, без цензуры и условностей. Поэтому к работам не было никаких требований, кроме небольшого

объема, чтобы всем хватило места. Мы выложили опен-колл на кыргызском и русском языках в инстаграм-аккаунт «Эсимде», предложили присылать нам тексты и художественные работы о деколониальных практиках, и публикуем все семь текстов, которые пришли. Я ничего не отсеивала и даже старалась читать тексты с нейтральной позиции, чтобы у меня в голове не сложились какие-то представления о том, какие работы подходят, а какие нет — они все очень разные и все важны и интересны.

В опен-колле мы обозначили как основные языки кыргызский, русский и английский. В итоге у нас получилось пять языков: русский, белорусский, тувинский, казахский, английский. Мы не получили текстов на кыргызском, хотя специально продлевали колл на две недели, давали людям побольше времени. Про отсутствие текстов на кыргызском можно поразмышлять, но если посмотреть на географию работ — зин получился не кыргызским, а скорее международным и трансграничным, от Восточной Европы до Северной Азии. И я думаю, что хотя тема кыргызского языка очень важная, мы не должны ограничиваться только территорией и языковым вопросом, потому что сама колониальность, которую мы обсуждаем, не ограничивается этими темами. Мы должны смотреть более глобально и налаживать связи между людьми, которые говорят на разных языках и по-разному пострадали от колониализма.

ДИЦМИРЭЭШКИННИЦ ДААЖЫ

Дацхаяа Ховалыг

Ранним утром в квартире рокочет гром. Эти раскаты будят меня, и я, ещё сонная, не до конца отошедшая от карусели ночных снов, первым делом думаю: где бабушка с дедушкой?

Ведь такие раскаты грома, грохочущие на весь мир, сотрясающие всю Землю, могут быть только перед рассветом в глухой тувинской тайге, куда мы с бабушкой и дедушкой очередным летом приехали на аржаан¹. У деда проблемы с сердцем, а «Шивилиг» (еловый с тувинского) — радоновый источник в Бай-Тайгинском кожууне, известен своими лечебными свойствами на состояние сердечно-сосудистой системы. Впрочем, этого я в тот момент не знаю, потому что мне шесть лет и я ещё не понимаю, что такое «проблемы с сердцем». Тем более я не знаю, что в 2020-м году дед умрёт в реанимации ресбольницы в Кызыле, в разгар коронавирусной эпидемии, от ишемической болезни сердца. Это всё мне предстоит узнать через девятнадцать лет, но в тот момент я в испуге просыпаюсь от грохота грома и шума ливня в тёмной палатке под двумя одеялами. Где же бабушка с дедушкой?

От моего шуршания и елозения просыпается рядом спавшая бабушка. Она обнимает меня и шепчет:

«Чшшш... оожум-оожум, уруум. Дицмирээшкинниң даажы дыр. Удууду»². «Ааа, дицмирээшкинниң даажы шээй...»³ — проносится у меня в голове почему-то бабушкиным голосом, и я засыпаю в её объятиях.

Когда я просыпаюсь в следующий раз, в мире тихо. На улице щебечут птицы, и слышно, как потрескивает на улице костёр. Я прислушиваюсь: вот раздаётся серия негромких стуков — судя по звону, это бабушка стучит поварёшкой по чугунной кастрюльке, в которой она, видимо, готовит завтрак. А вот я слышу приближающиеся тяжёлые шаги по направлению к палатке. Шуршат её сетки, растёгивается молния двери, и заходит дед. Он широко улыбается и протягивает ко мне сложенные вместе руки, мол, держи. Подставляю ладошки, и туда сыпется сокровище — горсть очищенных кедровых орешков. Ммм, почищенные — самое любимое! «Четтирдим⁴, дед!» Он смеётся. Немногословный, всё время чему-то своему по-доброму улыбающийся и посмеивающийся, он выходит из палатки, довольный, что обрадовал меня с утра пораньше. Может быть, бабушка рассказала ему, как я испугалась ночью грома.

¹ аржаан — целебный источник

² Тише-тише, доча. Это раскаты грома. Спи-спи.

³ Ааа, значит, раскаты грома...

⁴ Спасибо.

«Тур че, хүнчугеш!»⁵ — зовёт меня бабушка. Я быстро засовываю всю горсть орешков в рот, там всё наполняется слюнями — вкусно ужасно. Пока я одеваюсь в палатке, с улицы раздаётся бабушкино пение — мелодичное, нежное, немного грустное, красивое... Оно заполняет пространство в моей голове и в палатке, захватывает все звуки, всю нашу опушку, весь лес, всю республику, весь мир. Бабушкино негромкое пение обволакивает меня, маленькую, шестилетнюю, невесомую, счастливую, не знающую, что в 2024-м году у неё диагностируют рак четвёртой степени, и я, двадцативосьмилетняя, в эмиграции, не смогу приехать к ней из-за политической ситуации в стране. Это всё мне предстоит узнать через двадцать два года, но в тот момент бабушкина песня струится вокруг меня, подхватывает, кружит, я танцую под неё и вместе с ней, пока она не прерывается звонким: «Кызым!»⁶ Я выбегаю на улицу, и там они — мои бабушка с дедушкой, костёр, завтрак, лес, аржаан, детство, шестилетняя беззаботность и чириканье птиц.

Когда я осознаю, что гром гремит в Берлине в 2024-м году, а я лежу в спальне нашей арендованной квартиры с мужем, дрёма и это секундное наваждение-воспоминание полностью покидают меня. Деда умер. Бабушка в больнице. А я здесь.

Я здесь.

Даңхаяа Ховалыг — деколониальная активистка, журналистка и авторка подкаста «говорит республика _». Родилась и выросла в Республике Тыва, сейчас живёт в Берлине.

---

⁵ Давай вставай, солнышко!

⁶ Девочка моя!

ДЕМАДОНІЗАЦІЯ

Вольга Касцюк

My friend was advised to italicise all the foreign words in her poems...

... I have been thinking about this advice

and I have decided to follow it.

Now all of my readers will be able to remember

which words truly belong in Aotearoa and which do not.

—Alice Te Punga Somerville,

“Kupu rere kē, Always Italicise: How to Write While Colonised”

Я родился в СССР в городе Минск на Минском фарфоровом заводе. С завода меня вынесла Галя: вложила свои груди в мои чашки, чашки — в станік, блюда поставила на голову под норковую шапку, а цукарніцу и чайник подвязала под живот. Иванович на вахте не сказал нічога. За вахтой начинались 90-е.

Думаю, всем нравилась моя перламутровая оболочка. Она умела подмигивать на солнце, быццам заигрывая. Безумоўна, многие велись на золотые ручки. Кому не спадабаецца тёплое прикосновение к золоту? И, конечно же, картины. «Юпитер и Каллисто» и «Наказание Купидона» Анжелики Кауфман. Пьёш гарбату или каву — и как будто в Нацыянальным мастацкім музеі сядзішь за столом с Катаржынай і Марыяй Радзівіл, Лізаветаі Кішкай і нават Маркам Шагалам.

Мне да спадабы была теплота чая или цикория, или, если очень повезёт, — кофе! Цыкорыя оказалась моей любимой: сладко-горьковатая, по-домашнему шоколадная, она, медленно спускаясь, обволакивала мои белые стенки.

«Чуеш, как пахнет?» — говорила тогда чашка цукарніцы.

Жыццё большинства из моих не сложилось: они оказались запертыми за стеклянными дверцами сервантов. В лучшем случае, их доставали по большим святам, в худшем — перед этими самыми святами их протирали от пыли и ставили обратно. Мне повезло больше остальных. Когда мне исполнилось пятнадцать, гаспадыня отвезла меня на родину. Так я поселился в квартире на Кунцево в городе Москва. Гаспадыня прожила со мной недолго, но я не переживал, потому что никогда не стоял за стеклянными дверями. Вот только цыкорыю я больше никогда не чувствовал.

красавік, 2024 г.

Вольга Касцюк — беларуская авторка, которая живёт в Новой Зеландии. В своем творчестве Вольга фокусируется на деколонизации, феминистском письме, эмиграции и языках.

УЙГУРЫ И ДУНГАНЕ — ПЛОХИЕ КАЗАХИ

Малика Нурхан

Три дня я откладывала мысли о том, чтобы написать что-либо о деколониальности. Если честно, я боялась, что меня не поймут, отменят, или что еще хуже: мои мысли будут использованы пророссийскими силами.

Я уже давно решила, что эта битва не для меня. Я здесь лишняя. Это я поняла на одной конференции, где выступала известная казахстанская (наверное, ей бы хотелось, чтобы я написала казахская) деколониальная активистка. На мой вопрос о том, как избежать национализма в продвижении деколониальности, она удивлено уточнила, что меня пугает в национализме. Я честно ответила, что я — этническая уйгурка из Кыргызстана. В ответ услышала следующее: *«А, ну понятно. У нас в Казахстане тоже есть уйгуры, дунгане, но они не хотят ассимилироваться»*. Модератор быстренько закрыл дискуссию. Я посмотрела по сторонам и увидела одобрительные кивки своих коллег и коллежанок из Кыргызстана. Никто эту спикерку не осудил, скорее наоборот.

Я не против деколониальности как таковой. Мне нравится идея переосмысливать свое прошлое, отказываться, или ставить под сомнение систему власти, пришедшую к нам из Запада. Вот только, меня пугает то, как деколониальность используется для продвижения национализма, шовинизма и ненависти.

Очень мало тех, кто был угнетен и готов переосмыслить свое прошлое с точки зрения того как самому не стать угнетателем. И все больше деколониальный дискурс в Кыргызстане похож на «обиженного младшего брата, мечтающего занять место старшего». А мне какая разница, кто меня будет ассимилировать — русский или кыргыз?

Поэтому я не к месту. Поэтому эта битва не для меня. Я бы, наверное, даже не стала ввязываться в эту дискуссию, если бы не мой племянник — самый преданный любитель фастфуда. Он копил свои карманные на гамбургер. Вот только бургер ему не продали, сказали, чтобы заказывал по-кыргызски.

Намного легче наехать на семилетнего уйгура, чем спросить с системы, почему спустя более чем тридцать лет независимости в школах до сих пор плохо учат государственному языку! Сложнее спросить с власть имущих, почему вместо повышения оплат квалифицированным преподавателям, они привлекают учителей из России. Трудно прийти в Кабинет Министров с требованием объяснить почему дети, сдающие ОРТ на русском, имеют балл выше, чем те, кто сдает на кыргызском.

Конечно, много и других деколониальных активистки и активистов. Тех, кто создает информацию на родном языке, продвигает образовательные

курсы, переводит статьи. Мой гнев не направлен на них. Кыргызский, действительно, притеснялся долгие годы в Кыргызстане. Я помню, как в моей школе издевались над мальчиком, приехавшим с села и говорящем на русском с акцентом. До сих пор можно встретить объявления о работе с надписью: «требуется девушки славянской внешности».

Но могут ли угнетенные стать угнетателями? У Оруэлла в «Скотном дворе» свиньи прекрасно с этим справляются. Справляются с этим и деколониальные активисты и активистки у нас.

«Мы вас учили медиаграмотности, а вы ничему не научились!» — пишет в комментариях директор одной НПО Кыргызстана под постом активистки из Таджикистана во время приграничного конфликта. Кыргызстан называли островом демократии в Центральной Азии, много международных организаций открыли свои офисы именно у нас.

А мы и рады были, проводить «просветительские» мероприятия для соседей. Вот только этот деколониальный директор совсем не видит, как его риторика схожа с пророссийской: «Мы вам тут все построили, выучили вас, а вы...» Но он же кыргыз, а разве кыргыз может быть угнетателем или колонизатором? Кыргызы не белые.

«Ни пяди земли не отдадим!» — красуется лозунг протестующих против передачи спорных земель соседям. А мне интересно, эти протестующие когда-нибудь были там? По мне, местные жители обеих сторон имеют право на эту землю больше, чем столичные

протестующие, никогда там не бывавшие. Но осуждать протестующих как-то не по-человечески, особенно когда большую часть из них пересажали. Вот я сижу и молчу.

«Я представляю Центральную Азию» — говорит активистка из Алматы на вебинаре. А знает ли эта активистка, почему девочку, погибшую во время приграничного конфликта в Баткене, изображают в виде цветка Айгуль? Была ли она хотя бы на одном представлении театра «Ильхом» в Ташкенте? Знает ли она, сколько чупа-чупсов нужно купить в Мары, чтобы тебе продали муку?

«Как классно, что у нас присутствует Центральная Азия» — отвечают организаторы вебинара активистке из Алматы.

Очень сложно осознать свои привилегии, особенно тем, кто подвергался угнетению в прошлом. Но мы не плоские, мы трехмерные. Мы можем быть жертвами в прошлом и прекрасно справляться с ролью притеснителя в настоящем. И обвинить вчерашнюю жертву в угнетении сегодня — не виктимизация, а самозащита! Деколониальность для меня — это не смена одних угнетателей на других, а отказ от системы угнетения.

Я не хочу преуменьшить этими мыслями вклад тех, кто продвигает самобытность и право быть собой. Но я хочу, чтобы шовинизм и ненависть перестали маскироваться под деколониальность. А если и маскируются, то их не страшно было бы критиковать и разоблачать.

Малика Нурхан — интерсекциональная фем-квир-активистка.

ДРУГ, ТЫ МЕНЯ НИКОГДА НЕ ПОЙМЕШЬ

бора-хөкпеш э.

привет, мой дорогой друг. я пишу это, потому что ты не можешь никак понять меня. ты мой партнер, мой друг, мой коллега, мой сосед, но ты не меньшинство, в которое меня постоянно приписывает статистика твоей страны, государственные каналы и дешевые газеты, которые кричат о многокультурности, многонациональности навязанной мне родины, якобы с большой буквы. среда, в которой ты вырос отличается от той, где Я рос, я рос в горах Саян, вдоль реки Улуг-Хем, внутри чуждой твоему государству культуры, от которой мне в самые тяжелые моменты приходилось отказываться, потому что я не чувствовал себя достаточно цивилизованным/правильным.

я знаю, ты считаешь, что ты на моей стороне, на стороне движения, которое принесло столько смысла в мою жизнь, но даже так, когда я говорю о возвращении названий в постколониальном мире, ты говоришь, что это не имеет большого смысла, «большого смысла» для кого? когда я говорю о своем опыте в сексуальной жизни, когда я делюсь с тобой множествами отказов за мою узкоглазость, чуркость от «государствообразующего» народа, ты говоришь, что я преувеличиваю, что у каждого есть свои предпочтения в расе. но скажи мне, почему моя раса вдруг стала наименее предпочтительной в

глазах большинства? почему я физически отсталый? разве это не евгеника? почему ты, мой друг, мой соратник, находишь причины оправдывать похищение нашей истории для выставок в ВАШИХ метрополиях? ты же мой друг, и ты винец, хакас, кыргыз, казах мне друг, но ты не признаешь наше право сделать тывинский язык основным в моей стране, на моей Родине, Тыве. поделись со мной, почему ты дружишь с людьми, которые отказались говорить мое имя, потому что оно якобы трудное? я знаю много анастасий, виолетт, святославов, почему их имена не сложные? почему ты оправдываешь колкие высказывания наших профессоров о моем имени? потому что они твоей расы? потому что они заслужили быть в твоем топе людей, которые Заслужили?

когда я говорю о моих традициях, ты пытаешься высмеять их, хотя потом говоришь, что я драматизирую. когда я говорю, что сценка была наполнена расизмом, ты отвечаешь мне «его не было». ты лишаешь меня голоса, отрубает мои руки, чтобы я не смог написать текст, в котором я могу выплеснуть гнев, который я испытываю будучи русским, но не до конца. нет! я не русский. в этом правда. никогда им не был. на мои мысли об откапывании потерянного себя в своей культуре, истории, языке, ты отвечаешь смехом и словами «что за бред». мой друг, когда

я поддерживаю людей, переживших опыт колонизации Россией/СССР, ты говоришь, что я «радикализовался», что я разжигаю межнациональную рознь, почему?

скажи мне, мой друг, почему я, живя якобы в своей стране, но в другом городе, городе спб, чувствуя себя не своим, Другим? я пытаюсь влиться в русскость, но она наполнена колониальной кровью, мне мерзотно, тошно иногда, я не могу чувствовать себя как дома, хотя мне постоянно говорят: «Россия — это наш дом!» мой друг, почему ты смеешься с обидчиками? когда я говорю о Тыве, обидчики смеются, злостно игнорируют, им все равно.

послушай, почему я не могу быть агентным? мой друг, почему любое мое высказывание должно быть подкреплено какой-то глупой причиной, которая заставила меня так думать? но в отношении тебя это не работает?

пока что у меня только один ответ на все эти почему. ты никогда не переживал то, что я пережил как колонизированный, ты не вписан в загадочную категорию *меньшинства*, которую создало государство. ты никогда не сталкивался с расизмом в России, тебе не приходится вновь и вновь оправдывать свою субъектность. поэтому ты никогда меня не поймешь, как и других людей, которые прошли через опыт колонизированного.

ПРО ЭКОНОМИКУ ВНИМАНИЯ

Мира Гафар

Несколько лет назад я впервые услышал термин «экономика внимания», которым описывают то, как политики, бизнесы, селебрити, блогеры сегодня конкурируют за внимание потребителей контента. С распространением интернета и соцсетей нас стало окружать такое количество информации, что обычного человека, значительная часть жизни которого уже занята работой, учебой, уходом за близкими, больше не хватает на то, чтобы посмотреть и прочитать все. Но любому бизнесу, блогеру, политику, и какой угодно публичной сущности нужно, чтобы мы выбрали потратить свои свободные пять минут именно на них — потому что только просмотры позволяют продавать товар, зарабатывать на рекламе или продвигать какие-либо идеи.

Как и со всеми процессами в капитализме, экономика внимания тоже основана на неравном положении разных сторон и сохраняет это неравное положение, или даже усиливает его. Чем больше у какой-либо публичной «сущности» изначального капитала, тем проще ей добиться большего внимания. Богатые «сущности» могут покупать рекламу, нанимать таланты, анализировать работу алгоритмов, в общем, делать все, чтобы именно их контент оказался у нас в телефоне. А поскольку большинство людей, утомленных ежедневным

выживанием, в сегодняшней модели потребления информации не ищет контент специально — мы смотрим то, что предложит алгоритм — нам с большей вероятностью попадается именно то, что стартовало с лучших позиций.

Так и получается, что самая доступная в экономике внимания информация — это продукты колониальности. «Сущностям» из богатых метрополий проще доставить контент к нам домой, и выглядит он привлекательно. Метрополии снимают дорогие видео, записывают звук на хорошем оборудовании, платят больше денег талантливым криэйтерам. Метрополия обладает всеми ресурсами для того, чтобы создать красивую картинку мира, но нарисована эта картинка будет с колониальной точки зрения — другой точки зрения у метрополии обычно нет. Периферии в стандартном сценарии положено поставлять внимание, быть зрителями и, возможно, мечтать — а вот бы нам так как у них.

Но я верю, что с колониальной экономикой внимания можно если не бороться, то хотя бы сопротивляться ей. Однажды я решил, что я буду стараться как можно чаще идти ей наперекор. Для этого требуется сознательное усилие: например, если вы читаете в соцсетях блогеров, знаменитостей, политиков, то попробуйте проанализировать ваши

подписки — кто эти люди, которые составляют содержание вашей ленты? Какие люди попадают в ваше поле зрения, а какие — совсем нет? Кого туда можно добавить?

Если вы проводите много времени в интернете, то он неминуемо влияет на то, как вы представляете этот мир, а также где он заканчивается для вас. Наше внимание не бесконечно. Так давайте же чаще уделять его друг другу, а не метрополии и большому бизнесу: давайте интересоваться не только тем, что думают звезды и эксперты, но и жительницы маленьких городов и аулов, низовые активисты, квир-люди и люди с инвалидностью, беженки из мест военных конфликтов. Мне кажется, что только так можно узнать что-то действительно новое об этом мире.

Мира Гафар — социолог и активист татарского происхождения.

GROWING MY FIRST GARDEN AND THINKING OF MY MOTHER

Botagoz Koilybayeva

There were always two underlying currents — practical and spiritual — in growing my first garden last year. As a teacher and a postgraduate student living on the second floor of a rented house, I found myself profoundly missing doing something with my hands and my body. “*It’d be so nice to have my hands covered in dirt,*” was my burgeoning romanticised sentiment. Like everything embodied and sensual, gardening has opened up for me a realm of the spiritual, of the soul-transformative and the life-affirming.

Growing up in a village in the north of Kazakhstan — the village set up by the Soviets for *kolkhoz*¹ and factory workers — my family lived on the land in a brick house built by my father. We had a vegetable garden which provided lots of ‘practical’ food for cold winter months. Sacks of potatoes were stacked in the storage room or *kladovka*; tomatoes and cucumbers were pickled; currents and raspberries were turned into jars of jam. Nothing was wasted. My mother preferred planting root vegetables — simple and resilient — they could endure a sharply-continental climate of Northern Kazakhstan with extremely boiling summers and freezing winters. Beetroots and carrots, they too were preserved and stored in *kladovka*.

We lived in the village till I was 12, so I only remember the entertaining side of gar-

dening — helping my mother with sowing, trimming and harvesting. The move to the city was rather necessary than desirable. Gorbachev’s *Perestroika* was followed by a decade known as “the wild nineties”², meaning a complete dissolution of the Soviet Union and its working institutions and factories. For my village that meant redundancy and inevitable demise. “*I feel like a bird in the cage,*” my mother would say during the first years of living in a two bedroom apartment in the city. Because of the years of hard labor on our garden, we thought our mother would love her comfortable city life, yet what was difficult to grasp at the time was a gradual loss of connection with the land. “*I miss going outside with a cup of tea and enjoying a bit of peace,*” she would add.

After years of living in urban environments — from Central Asia to Central Europe, where I am living now — I too almost completely lost my gardening sensibility. Rented rooms and flat shares failed to provide a sense of place always indicating the transient state of my selftorn between languages and cultures. Gardening has become my way to heal the chasm between my rural Kazakh childhood and my now emigre city life.

I still live in a rented house but last spring the need for gardening — fuelled by Mary Oliver’s poems, news about climate emergency and the ever present memories of my

¹ kolkhoz — a collective farm in the Soviet Union

² Rowley Thomas (2017, 15 September). *Russia’s wild decade: how memories of the 1990s are changing*. OpenDemocracy.net. <https://www.opendemocracy.net/en/odr/russia-s-wild-decade-howmemories-of-1990s-are-changing/>

childhood garden — was so strong that I could not wait any longer. So me and my partner in crime began our gardening project. Our garden is tiny; it is a balcony garden, six by one meters, it really is small but the joy it provided is limitless. Growing from seed is an essential element in observing life as it is bulging and emerging. Not only does this create a strong bond between humans and non-humans, it also nurtures empathy to the living world in general. This “becoming with” as Donna Haraway pointedly observes expands one’s self to encompass a myriad of other selves whom we are co-creating our lives with.

Last spring we grew from seed: tomatoes and cucumbers; zucchini and pak choi; strawberries and radishes. The small space of our balcony looked wild and there was no space for humans anymore but the plant-humans are thriving.

Preparing my first salad from our own radishes, tomatoes and cucumbers I could not stop thinking about what Robin Wall Kimmerer calls “a gift economy”³. It is the concept that encompasses one’s connection with the land in the form of reciprocity, responsibility, stewardship and protection. It is giving and taking. It is thanking and being humble. It is learning and repairing mistakes. Right now it seems as though what I am protecting is six by one meters patch of concrete with some plastic pots with plants but, in reality, I am responsible for their well-being and for the well-being of our resilient yet vulnerable planet.

“By growing a garden,” writes Wendell

Berry, “one improves a piece of the world”⁴.

Gardening, thus, becomes a necessary and poignant metaphor for constant love, protection, acceptance and striving for the better. My balcony garden is teaching me that “nature is energy and struggle”⁵ how John Berger remarks. Things go wrong, cucumbers freeze, radishes do not sprout, Brussel sprouts are raided by caterpillars. Last year I learnt about aphids because they ‘attacked’ our sunflowers. Reading about them online, I realised that aphids could be a source of food for ants and bees whom, in turn, I could attract by planting various colourful — yellow and purple — flowers. Permaculture is the word that rings louder in my mind. There is no knowing if I am ever going to own a house one day as housing crisis engulfs millennial generation in particular. Caught in the flux of neoliberalism which aids the rich to get richer, my generation is grappling with rising rent prices and battling the fear of environmental collapse⁶.

My gardening experience is different from my mother’s as are our life paths. Her garden was abundant and practical. She never spoke of the poetics of gardening nor she vocalised her love for the land yet what I am certain about is that she truly put her heart and hard work into growing food for her family. She simply did not have time to romanticise her connection with the soil, she was too present in the now. My first garden, on the other hand, was a pure experiment nurtured by a beginner’s spirit. We got some produce but not nearly enough to feed ourselves and be truly independent from supermarkets as Wendell Berry advises. “I

3 Kimmerer, Robin Wall. *Braiding Sweetgrass: Indigenous Wisdom, Scientific Knowledge and the Teaching of Plants*. Penguin Books, 2020: 17.

4 Berry, Wendell. *The World-Ending Fire*. Penguin Books, 2018: 56.

5 Berger, John. *Why Look at Animals?* Penguin Books, 2009: 57.

6 Alicia Adamczyk (2023, June 11). *Boomers are pushing millennials out of the housing market as they hit the road for retirement, BofA says*. fortune.com. <https://fortune.com/2023/06/11/housingmarket-baby-boomers-beating-millennials-homebuying-starter-homes-migration>

was raised by strawberries,”⁷ notices Robin Wall Kimmerer and I am being intrinsically transformed by my first balcony garden making small steps towards gift economy.

Ботагоз Койлыбаева — докторантка Карлового университета в Праге, киноисследователя и критик. Она пишет о кино в академическом и культурном, а также англоязычном и центрально-азиатском контекстах. Ее статьи на английском языке можно найти в Little White Lies, Klassiki и Cineropa. В Казахстане она сотрудничает с Art of Her, '98mag и Qyzqaras. Она выпускница GAIFF Pro Critics Campus и программы обучения журналистов и кинокритиков GoCritic!. Ее докторское исследование под названием «Субъектность животных в кино: многовидовые документальные фильмы и кинематографический мир» сосредоточено на пересечении кино, экологии и постгуманизма. Она представляла свои исследования на конференциях в Дрездене и Утрехте.

---

⁷ Kimmerer, 22.

89 YEARS

Amina Safiyazova

Curled up in the armchair in my grandmother's apartment in Tashkent, I rummage through her photographic archive. It is not really a proper archive, but a hard shell briefcase from the '60s or '70s, filled with pictures, that my aunt produced, upon my request and after a thorough search around the apartment, from under the dusty cupboard in her bedroom.

It is late, my grandma is sleeping in the other room. We sit around a coffee (or rather, tea, since it's Uzbekistan) table with my brother and my aunt, sifting through the pictures of my grandmother's university years, her wedding, my grandfather's study trips to Russia — both of them worked as microbiology researchers for most of their lives — then baby pictures of my dad and my aunt. Photos are dated at the back, with comments always in Cyrillic, and mostly in Russian.

Gradually we move further back in time — my grandmother as a girl of seventeen, her parents as a young couple, her own grandmother... And many irrelevant to me pictures of random relatives in between (and believe me, Uzbek families tend to be quite large), whom my aunt is busy identifying, taking the time to explain the extraneous familial relations, to my and my brother's quiet discontent.

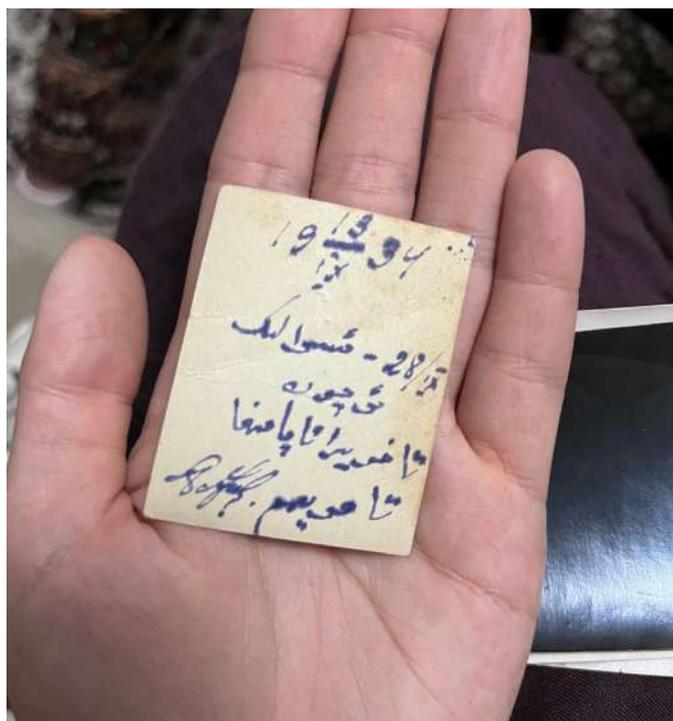

All of it becomes rather a drag until a small visa-sized portrait of someone so painstakingly familiar — although I am sure I have never met him in my life — surfaces up in the pile of photos that overflow the hard shell briefcase. The resemblance between us is uncanny, it almost feels like I am looking in the mirror.

Definitely a relative, says my aunt, let's see what is there on the back... Well.

1934.

—
The Uzbek language suffered one too many reforms in the last 100 years.

It is a tongue in the Turkic language group spoken by an estimation of 35 to 40 million people, with a long history of evolution as a literary language since as early as the 14th century. Originally, the script used to record it was Arabic, which was brought in by the Arab conquest in the 8th century; Persian and Arabic were then used for science and poetry, while Turkic was the vernacular. In 1219 the region was invaded by Genghis Khan, who left the rule to one of his sons, Chagatai. Modern Uzbek is a succession of the Chagatai Turkic (Karluk) entwined with Persian and Arabic influences. The biggest proponent of Uzbek as a literary language was the 15th-century poet, writer, and statesman Ali-Shir Nava'i, who, controversially in his time, believed that his native Turkic-rooted language was superior to Persian when it comes to lyric expression; he is considered the founder of modern Uzbek language. I have a collection of his poems with me here in Amsterdam, translated into Russian.

Colonization by the Russian empire began in the 1860s as an attempt to compete with the British over their influence further South. By 1875 the region became part of the Russian province of Turkistan. Imperial decline and Russian civil war brought significant unrest, that was, however, subdued, to make Turkistan — then split into several Soviet Socialist Republics — a part of the Union under the Bolsheviks.

“Union” as it was called was in fact a continuation of the old colonial project under a new political agenda. An article I found online summarizes it pretty well:

The use of the ‘colonial’ label is ambiguous when related to a system that was ideologically founded on the values of internationalism and anti-imperialism and was employing its ‘colonies’ to promote decolonization abroad and the compatibility between socialism and Muslim societies. This attitude clearly emerged <...> in the postwar era, when Tashkent – the city of ‘Friendship of Peoples’ – was promoted as a progressivist symbol of Soviet modernity for the emerging Third World. Nonetheless, despite numerous doubts that emerged in the definition of a Soviet colonialism tout court, evident features and dynamics typical of colonial systems are identifiable even in Soviet Central Asia, where Moscow’s authority was enforced over peoples and territories, and fundamental decisions, with at times tragic results, were taken from and in the interests of the center.

“Eradication of Illiteracy” (ликбез) was one of those pseudo-decolonial campaigns that tied the region stronger to Russia. Russian language spread as the language of “literacy”, reforms on the indigenous languages followed. For Uzbek, a version of the Latin alphabet succeeded the Arabic script in 1927, which was in turn replaced by the Cyrillic alphabet in 1940. Cyrillic — so that Russian is easier to learn.

In 1993, the government of independent (at last) Uzbekistan reinstated Latin as the official alphabet.

—
1934 — so there are 89 years between the hand that annotated the photograph, and my eyes that are looking at it.

Most likely, the 13th of September 1934 is the date the picture was taken or sent, and the writing below contains a short greeting to the recipient, most likely my great-grandfather, and the signature of the sender, most likely his cousin. “Most likely” was as close as we could get in this guessing game.

My first language is Russian, and English is my second, my Uzbek at this point is worse than my Dutch. My parents’ and my aunt’s first language is Russian, they are somewhat proficient in Uzbek, they learned it in Cyrillic in school (but they can read it in Latin thanks to studying English later in life). My paternal grandmother’s first language is Uzbek. She was born in 1939, just in time to be taught Cyrillic and nothing else.

—
89 years — is it a gap in education? In memory? In belonging?

Later on, we found a photo of (most likely) the same young man, taken some years after the first one, and signed in Uzbek in the Latin alphabetic iteration. The likelihood that my grandmother would be able to decipher this one is just as high as me reading the Arabic script, but my dad managed to interpret the greeting on the card, and locate the name of then slightly aged relative. We’re still not sure if it is indeed a cousin, and whether he ever learned yet another alphabet.

It is perhaps not uncommon to find oneself looking at pictures older than any living memory you have of those on them. That would inevitably happen to anyone going through old family albums. However, is it not absurd that the very instrument to record this memory had been fractured and reassembled so many times in a span of a single individual lifetime that it can break all connections in just three generations, leaving you guessing, guessing, guessing?

I do want to learn Uzbek properly (and any translation of Nava'i I could get my hands on is rather horrid, which is extra motivating), but will it help me jump the gap?

89 years from now it will be 2112. I am 22 and my guess is, I am more or less as old as the mysterious grand-uncle on the photograph. Who will read the backside of my portraits, and what language will they speak?

Amina Safiyazova is Uzbek author raised in Kazakhstan, and currently living in the Netherlands.

МЕЖДУ ГРАНИЦАМИ:

ЗИН О ПРАКТИКАХ ДЕКОЛОНИАЛЬНОСТИ

Создан благодаря поддержке «Эсимде» — исследовательской площадки по изучению и осмыслению процессов, событий и «белых пятен», оставшихся в памяти народа и истории.

<https://esimde.org/>

Идея зина и арт-менеджмент:

Эльвира Тилек кызы

Редактура, верстка, иллюстрация:

Мира Гафар

2024 год